

Лагерлёф Сельма

Роза Христа

(часть 3)

Когда наступила весна и земля проснулась, послушник Марсалий посадил корешок аббата Иоанна на его любимой клумбе посреди сада.

Каждое утро он с надеждой выходил из своей кельи и смотрел, не появился ли из земли тонкий росток или хотя бы маленький зелёный побег. Но всё было напрасно. Сад цвёл и благоухал, и только одна клумба оставалась пустой и голой.

Наконец зарядили осенние дожди, листья осыпались, Марсалий потерял всякую надежду и перестал ждать.

Наступила рождественская ночь, празднично зазвонили колокола монастыря Овед. Звон их уносился прямо в небо, но не было радости и света в душе Марсалия.

Он страдал и каялся, и аббат Иоанн словно стоял у него перед глазами. Тоска гнала Марсалия из монастырских стен. В глубокой темноте он вышел в засыпанный снегом сад. Погружённый в печальные мысли, он уныло брёл между высокими сугробами. И вдруг Марсалий замер потрясённый, не веря своим глазам.

Прямо из глубокого снега поднимался дивный сияющий цветок. Узорные листья сверкали, как чистое серебро. С каждым ударом колокола распускались свежие бутоны.

Теперь весь куст стоял, осыпанный белоснежными розами. И каждая из роз светилась, будто в её сердцевине горела свеча.

Громким голосом Марсалий позвал всех монахов Оведа. Они выбежали из монастыря и встали на колени вокруг лучезарного цветка. Сад спал глубоким зимним сном, а роза из Генигерского леса тихо сияла, освещая растроганные лица монахов.

Тогда Марсалий сказал:

— Если уж случилось такое чудо, надо отвезти эту небесную розу архиепископу Авессалому!

Марсалий отправился в далёкий Лунд и предстал перед архиепископом.

— Вот рождественский цветок из сада в Генигерском лесу, — сказал Марсалий. — Его посылает тебе аббат Иоанн, как обещал.

Увидев светящуюся розу с серебряными листьями, архиепископ Авессалом побледнел так, будто перед ним явился призрак самого аббата Иоанна. Он долго молчал, не в силах вымолвить ни слова. Наконец проговорил дрогнувшим голосом:

— Аббат Иоанн сдержал своё слово, я тоже буду верен своему обещанию.

И архиепископ Авессалом приказал выдать вольную грамоту дикому разбойнику. Марсалий не стал медлить. Не теряя ни дня, с трудом вспоминая дорогу, он поехал оледенелыми тропами в Генигерский лес. Стояла такая небывалая стужа, что Марсалий боялся, удастся ли ему живым добраться до пещеры разбойника. С облегчением увидел он наконец знакомую скалу и дверь, сколоченную из шершавых досок.

Но едва Марсалий шагнул в пещеру, как разбойник, схватив топор, с глухим воплем кинулся на него.

— Я перебью вас всех, подлых монахов, задушю своими руками! — В голосе его смешались и ярость, и отчаяние. — Это по вашей вине в первый раз не расцвёл рождественский сад, здесь, в Генигерском лесу! Ты лишил нас, несчастных, единственной радости!

— Ты прав, это моя вина, — смиренно сказал Марсалий и покорно опустил голову. — Казни меня, как хочешь, я заслужил смерть. Но сначала я должен передать тебе послание аббата Иоанна.

Марсалий вытащил из-за пазухи свёрнутый трубкой пергамент. Он развернул его и показал разбойнику подпись архиепископа Авессалома и тяжёлые, свисающие на шнурах печати.

— Это вольная грамота. Отныне ты свободен, — сказал Марсалий. — Ты можешь жить в долине среди людей, как равный. Этого хотел аббат Иоанн.

Разбойник замер, бледный, потеряв дар речи. Он выронил топор, и тот звякнул, выбив искры из камня, лежавшего у порога.

Жена разбойника порывисто обняла своих детей и прижала их к себе. Малютки с недоумением глядели то на неё, то на отца, не понимая, что же случилось.

— Аббат Иоанн сдержал своё слово, сдержит своё слово и разбойник, — справившись с волнением, сказала она.

— Неужели... — ещё не веря своему счастью, с трудом выговорил разбойник. — Ты помнишь, жена, ведь я был славный работник когда-то. Мог поставить крепкий дом и подковать лошадь...

Вскоре семья разбойника спустилась в селение. Жители приняли их ласково и приветливо. Каждый старался помочь им чем мог, в память о добром аббате Иоанне.

А послушник Марсалий в скором времени навсегда ушёл в Генигерский лес и поселился в пещере. Он жил одиноко и уединённо, молясь, чтобы Бог простил ему неверие и гордыню.

А в саду монастыря Овед каждый год в рождественскую ночь, лишь только зазвонят колокола в храме, из глубокого снега поднималась и расцветала чудесная роза. Каждый бутон её светился, словно в нём горела негасимая свеча. Жители со всей округи собирались в рождественскую ночь, чтобы взглянуть на небесный цветок и воздать хвалу Богу.

Розой Христа назвали они этот цветок.